

верить ученым Вашего времени, я был кем-то вроде антиквара, «облеченного в архивы, и затворника, но зато я был тончайший из умов, восседающих на троне, а культурные достижения моего царствования настолько велики, что им трудно найти равных»¹⁷.

Возможно, во всем этом и была известная доля правды: по слухам, отчасти вероятным, отчасти абсурдным, собранным неким лангобардом, обладавшим неплохим знанием греческого, который в 949 г. прибыл в нашу столицу в качестве посла, до прихода к власти я представлял собою любимшего уединение книжного червя, — но, прошу заметить, что книги, которые я читал, были скорее духовного содержания. Да и сам я признаю, что став единоличным правителем, я в самом деле заказал целый ряд полезных трудов, приказал изготовить с них в дворцовом скриптории копии одного формата и организовал библиотеку в одной из дворцовых палат. К тому же, ко времени моего правления Ваши коллеги приурочивают ряд ценных списков античных, позднеантичных и церковных авторов.

Но настоящая действительность была, увы, менее привлекательной. Так, я не припомню, чтобы я где-нибудь сделал намек на то, что я предавался академическим занятиям и архивным изысканиям, т.е. деятельности, приписанной мне одним из Ваших известных современников. Я заглянул в доступные Вам и Вашим современникам источники и не нашел прямых свидетельств, подтверждающих подобные утверждения. Прежде чем продолжать, позвольте мне обсудить два момента — титул и деятельность, которые, как кажется, придают мне особое своеобразие. Во-первых, титул — Багрянородный, на который столь многие до меня имели равные и даже большие права. Я был должен настаивать на нем ради выживания и спасения, как моего собственного, так и моего сына, рожденного в конце 30-х годов века, т.е. в период моего политического небытия. С одной стороны, я был рожден вне брака. Этот факт вызывал многочисленные непристойные остроты и, конечно, требовал символической компенсации. С другой стороны, я вынужден был использовать этот титул для защиты себя и своего сына от могущественного выскочки, который узурпировал мои права, и клана его равным образом зазнавшихся сородичей. Мои внуки Василий II и Константин VIII делали то же самое перед лицом узурпаторов Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. Кстати, заметьте, что титул Багрянородный полностью отсутствовал в эпитафии сочиненном в 919—м году по поводу моего венчания с Еленой Лакапиной, то-есть в поэме отражающей интересы клана узурпаторов. Я был там назван лишь красивым блондином, и «сыном блаженных родителей»¹⁸. Во-вторых, моя деятельность в качестве

изданий времени его правления и не критически предполагаем, что и сам покровитель был поистине утонченным литератором и знатоком искусства. Ср. также ниже примеч. 43. А. П. Каждан принадлежит к тем немногим современным ученым, которые скептически относятся к понятию «Македонский Ренессанс». Но он сомневается в нем, ибо сравнивает его с итальянским Ренессансом и находит, что «Македонский Ренессанс» не создал новых ценностей, ограничиваясь лишь собиранием античного наследия. См.: Kazhdan A. «Н ελοχί του Κωνσταντίνου Ζ' Πορφυρογεννήτου» // Διαβάζω. Окт. 1985. Ч. 129, особенно Σ. 17 и 20.

¹⁷ О величайших достижениях культуры в это царствование см. у Р. Дженкинза: DAI. P. 9.

¹⁸ Лангобардским послом был Лиутпранд. Ср.: Antapodosis. 3:37 (= 382, 25—28 Bauer-Rau), где говорится с большой долей вероятности, что вскоре после 931 г. Porphyrogenitus посвятил себя Богу cum oracioni tum lectionibus vacans (контекст указывает, что эти лек-